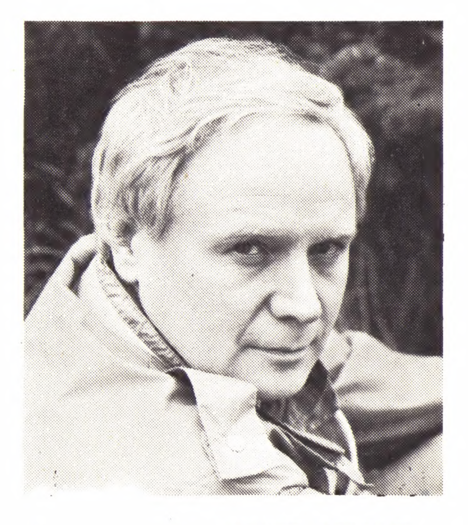
БИБЛИОТЕКА

ISSN 0132-2095

№ 5 1989

Александр **ДОЛЬСКИЙ**

ПОКА ЖИВЕШЬ...

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 5

Александр ДОЛЬСКИЙ

ПОКА ЖИВЕШЬ...

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Александр ДОЛЬСКИЙ

Александр Александрович Дольский родился в 1938 году в Свердловске. Окончил Уральский политехнический институт, затем аспирантуру (математические методы в экономике). Некоторые ранние стихи опубликованы в институтской многотиражке. Работал преподавателем в этом же вузе до 1974 года.

В дальнейшем публиковать стихи не удавалось, поэтому исполнял их, напевая под гитару. С 1975 года живет в Ленинграде и работает в научно-исследовательском институте. В 1979—1980 годах работает в Ленинградском театре миниатюр как актер и поэт. В 1979 году благодаря ходатайству А. Райкина удается записать первый альбом своих стихотворений, напетых под гитару. Начиная с 1980 года у Александра Дольского выходит на фирме «Мелодия» семь альбомов, которые расходятся миллионными тиражами.

Первые публикации стихотворений в газетах и журналах появляются в 1985 году. Сейчас Александр Дольский является членом Ленинградского комитета литераторов. «Пока живешь...» первая книга поэта.

ПОКА ЖИВЕШЬ...

Так хочется, пока живешь на свете,
наслушаться прибоя и скворцов,
настроить фантастических дворцов
и не бояться быть за них в ответе,
на громкие слова слывя скупцом,
не замечать обиды и наветы,
а если и придется быть купцом,
иметь в кармане ветры да планеты,

быть добрым сыном, правильным отцом,
усвоить суть свободы и запрета,
быть искренним, как в час перед концом,
и не жалеть о том, что не был где-то,
вставать с постели задолго до света,
распознавать по взгляду мудрецов,
не приставать с наукой и советом
и научиться жить в конце концов,

и, вспоминая дом с резным крыльцом,
задуматься от детского ответа,
не злить ни стариков и ни глупцов
и верить в сны и добрые приметы,
с гармонией, палитрой и резцом
играть свободно формой, звуком, цветом,
но никогда ни правдой, ни лицом,
и брать за все душой, а не монетой.
Так хочется, пока живешь на свете...

* * *

Я истину люблю внутри,
внутри сосуда из моих понятий.

Она еще не познана — смотри,
смотри, как сфера формы вся помята.
Ты видишь — это тяжкое зерно
дает росток со стрельчатым побегом.
Из плоти он взойдет и все равно —
на пораженье или на победу.
Как солнца луч, попавший на ладонь,
побег мне в сердце тычется с доверьем.
До срока хорони в себе огонь,
храни тоску по правде в подреберьи.
Еще пока и взгляд, и разговор
жонглируют различными вещами,
но, выйдя на космический простор,
та истина тебя порабощает.
И вот тебе уже покоя нет —
произнесенному всегда живем в угоду.
Ты раб философических тенет,
которые тебе сулят свободу.

* * *

Когда тебе опять и пусто и печально,
в глазах покоя нет, а в мыслях высоты,
ты вспомни, что в тебе нет боли изначально,
а только трение мечты и суеты.
И если слезы есть — старайся в одиночку
их выплакать сперва, и к людям не спеши.
И мужество не в том, чтобы поставить точку,
а чтобы претерпеть рождение души.

И если так с тобой случится не однажды,
то с каждым разом легче будет этот миг.
Жестоки чувства одиночества и жажды,
но страшно — если ты к ним вовсе не привык.
Досадно — если ты, надеясь на подспорье,
в ответ не получил желанной сослезы,
но в сотню раз страшней, когда, испив от горя,
в чужую исповедь ты смотришь на часы.

И если нет того, о чем мечтал вначале,
и про высокий путь гаданья не правы,
люби все то, что есть, — и страхи, и печали,
и труд обычный свой, и вздохи, и увы.
И меры счастью нет, и смысла в обладаньи —

все сквозь тебя, как космос протечет.
И оправданье жизни только в состраданьи,
в желаньи размышлять -- другое все не в счет.

ЯЗЫК

И в этой стране, и не в этой стране,
на этом наречьи в согласных,
которые липнут (как пальцы к струне)
к зубам, к языку, ко щекам и к спине
(с поклажей раба несогласной),

на том, что любого трудней языка;
в стране, но в стране или в зале,
откуда из зрителей брали в зека,
как воду у рыбы в Арале
(за что никого не карали),

но в зале, что залит не светом-водой,
(водой ли?) — (аквариум спирта?),
не жидкой средой-всклень заполнен бедой;
и борт не худой, и поддон не худой,
следы от заделанных дыр так

толкают завыть на родном языке,
поскольку в наборе словарном
тону, как Ивашка в крутом кипятке,
держа над водой Ушакова в руке
и Даля сжимая в бездарном

трусливом ротишке, что тысячу слов
с бедой пополам произносит,
не вызнав у пращуров молви основ,
и мат с междометьями в духе ослов
риторики — по миру носит.

Но русский струится, слепит и трещит,
как речка, огонь и валежник,
и шуйцей по струнам, и саблей о щит,
и груздем во кузов, и куром в ощип —
прибоя и дождика смежник.

СЛОВО

Слово возводится в царский сан —
не прикоснись, не скажи по-иному,
вроде бы ноги не вытер и сам
ходишь нетрезвый по тем небесам,
где тебе ползать убогому гному,
слово несущее знак перемен
в лучшую сторону, к лучшему быту,
к лучшей истории (лучший гамен
был в нем убит и тебе быть убиту
к славе, меняющей колор знамен),
слово под ре — эволюции крест,
где распинают народы и книги,
для недоразвитых душ благовест,
пропуск в партер коммунальных чудес,
к ликам святым с выражением фиги,
слово — прибежище крупных воров,
даже крупнейших с Р. Х. и потопа,
лучшая часть партитуры хоров
против голов, и хлебов, и коров,
лишь бы татарина съела Европа.
Будет Ромео предатель и трус,
и с Дон Кихотом расправится тройка.
Брак поневоле — прочнейший союз.
Наш эллипсоид неведомый груз
тянет (свою неустойку).
Кто кредитор? — разглядеть не дано.
Суть перехода количеств
в разные качества? Скажем, вино
в слабость корон и величеств?
(Что старикашкам известно давно.)
Юная стая безмозгла, увы,
что ее делает средством.
То есть, конечно, являет умы,
но для любовных забав и тюрьмы
и для стихов по соседству.
Гвоздь этой правды-имеешь-отдай!
И отдавай ежечасно
жизнь и детей, петуха и Китай,
в общий котел без сомнений кидай
голос и станешь безгласным.
Будет ли свет, как монтер восклицал?
будет ли бульба без гнили?

будет ли слово — ликующий царь
хотя бы на нашей могиле?
или и слово убили?
Что для Галактики горе Руси? —
гибель каких-то бактерий...
Слушай вселенную и не проси
счастья, а только-о, Боже, спаси
истину от суеверий!

ИГРЫ

Есть игры, доступные детям зверей, —
рычанье, прыжки, зубохватство, кульбиты, —
их цель — половчей, похитрей, поскорей.
Зверек подрастает, и игры забыты,
хотя не совсем — репетиции драм
приводят к охоте, убийству, добыче.
Природа к своим беспечальным дарам
порой добавляет и кровь и величье.
И в играх детей человеческих взмах
присутствует как элемент тренировки.
Потом в неуютных бетонных домах
кончают мужья своих жен монтировкой.
То игры простые, и грубый их текст
на первых страницах наследственной книги.
Но выпечен гомо из множества тест
и вкусен друг другу повыше ковриги.
И разные уровни этих забав
всегда отвечают зигзагам извилин.
Проста красота богатырских застав,
и сложен театр полицейских давилен.
Но вот в монотонные дикости дней
является слово из древней Эллады,
в котором (компьютерных игр не бедней)
запрятана участь всеобщей награды.
Страдательный демос и царственный крат —
два корня великого древа,
алмаз европейский крупнейших карат,
возросший в темнилище хлева.
В России его не распилишь на всех,
и он украшает пиджак антипода,
когда нарекают разбойничий грех
заботой о благе народа.

И демос не кратный века ничему,
а только природе и смерти,
взирает на грани, сверлящие тьму,
как на игуменью черти.
И эта игра посложнее других,
поскольку в ней примут участье
ведущие вечную битву враги —
народ и народа начальство.

* * *

Мы не видались скоро год,
неверны Ваши предсказанья —
не избавленье от забот,
разлука с Вами — наказанье.

Пусть я понять Вас не сумел,
но разлюбить не в силах Вас я...
Стареем мы от дел, от дел...
И любим горше и прекрасней.

Прощайте! Есть всему конец,
но жизнь идет, и слава богу,
что я дурак, а не подлец...
В дорогу, дураки, в дорогу!

БАЛЛАДА О БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕМ

Меня нашли в четверг на минном поле.
В глазах разбилось небо, как стекло,
и все, чему меня учили в школе,
в соседнюю воронку утекло.
Друзья мои по роте и по взводу
ушли назад, оставив рубежи,
и похоронная команда на подводу
меня забыла в среду положить.

И я лежал и пушек не пугался,
напуганный до смерти всей войной,
и подошел ко мне какой-то Гансик
и наклонился тихо надо мной.
И обомлел недавний гитлерюгенд,

узнав в моем лице свое лицо,
и удивленно плакал он, напуган
моей или своей судьбы концом.

О жизни не имея и понятья,
о смерти рассуждая, как старик,
он бормотал молитвы ли, проклятья,
но я не понимал его язык.
И чтоб не видеть глаз моих незрячих,
в земле немецкой мой недавний враг,
он закопал меня, немецкий мальчик,—
от смерти думал откупиться так.

А через день, когда вернулись наши,
убитый Ганс в обочине лежал.
Мой друг сказал — как он похож на Сашу!
Теперь уж не найдешь его, а жаль...
И я лежу уже десятилетья
в земле чужой, я к этому привык
и слышу — надо мной играют дети,
но я не понимаю их язык.

ИНФОРМАЦИЯ

Как медленно, мелко, зерно за зерном,
за фактом, словцом и намеком
фрагмент проявляется, но полотном
еще не насыщено око.
И нищим, сбирающим истины медь
на паперти нового храма,
стоишь, притворяясь осанну запеть,
в итоге немея от срама.
Но многие годы блужданий и встреч
под фресками вечных сюжетов
доводят до пения темную речь
и головы до пистолетов.
И соединенье молекул житья
в реторте общественной кухни
с натужным познаньем приемов битья
и катализатор непрухи
дают непрозрачную горькую смесь —
лекарство от рабства и лени,
веселую глупость и скромную спесь —
воспитанный ген поколений.

И действует тот проявитель года,
когда фотография духа
былых поколений — являет стада,
лишенные зренья и слуха.
И только желудок и чресел медок
тревожат мозги или мышцы...
И разум течет, как течет потолок
в квартире, где пьянство и мыши.

В обители лжи поклоненье волхвов
в параграфе сна и тумана,
и в норме — склонение мудрых голов
под саном и словом болвана.
Но что же картина, сиречь полотно?..
и дышит ли в нас реставратор?..
Кора макияжа засохла давно —
бессильны фланель или вата,
сдирай по живому!.. иные куски
слиняют змеиною кожей.
Химеры, живущие в чреве тоски,
на истину слабо похожи.
Реальных чудовищ расчищенный лик
ужасней Харибды и Сциллы...
Но ты же философ, ты к крови привык
и ложкой хлебаешь бациллы.
О, музыка средних и ближних веков!..
палитра Дали и Пикассо!..
о, время мое в аксельбантах оков,
мои проходные и кассы!..
Безумна история русской души,
печальней шекспировской сказки.
И счастливы только российские вши,
и тоже по чьей-то указке.
Еще не доигран двадцатый хорал —
гигантская страстная фуга...
И бог здесь не первую скрипку играл,
его отодвинули в угол.

САМОЛЕТ

Август в звездные метели гонит нас из дома...
Самолет мой — крест нательный у аэродрома.
Не к полетной красоте ли вскинут взгляд любого?.

Самолет мой — крест нательный неба голубого.
Злится ветер — князь удельный в гати бездорожной...
Самолет мой — крест нательный на любви безбожной.
Свет неяркий, акварельный под стрелой крылатой...
Самолет мой — крест нательный на любви проклятой.
Я сойти давно хочу, да мал пейзаж окрестный.
Распят я, и нету чуда, что летает крест мой.
Даль уходит беспредельно в горизонт неявный...
Самолет мой — крест нательный на тебе, и я в нем.

НЕДОСТРЕЛЕННАЯ ПТИЦА

Нас стравили, как мышей, как клопов и тараканов.
Мы тупели, с малышей превращались в истуканов.
К нам влезали в явь и в сон, и в карманы, и в стаканы,
заставляли в унисон распевать, как обезьяны.
Нас кормили, как зверей, стадо в очередь поставив,
и камнями алтарей побивали и постами
многолетними уста иссушали, замыкали,
и боялись мы куста, и моргали, и икали.
И икотный этот ген передали нашим чадам.
Он боится перемен, соответствуя наградам.
Узнавали мы в лицо — вот начальник! вот начальник!
Предавали мы отцов и мычаньем, и молчаньем.
И не взыщут с нас отцы... Что удобно, то затенькал.
Даже лучшие певцы распевают ложь за деньги.
Эта дикая игра все ломает, все итожит,
и пора «ура! ура!» заменить на «боже! боже!»
Господин Великий Нов-город мой любимый Питер,
Ирод с Вами был не нов и Пилат, что вымыл, вытер.
Я пророчествую Вам — Ваше имя возродится!
Взлетает к небесам недостреленная птица.

ВИДИШЬ, МАМА...

Четверть шестого,
утро, с балкона упала книга,
молятся рядом баптисты,
это осенний Львов.
Это жестоко —

на простыне нарисована фига —
черный фломастер на белом батисте.
Не состоялась любовь.

К чести твоей, донна Анна,
рыло Хуана
тут же за книгой ныряет с балкона
(астма и фальшь
об асфальт)
и замирает, как тело геккона,

если снято оно
на стеклянной пластинке,
а напротив окно
медленно едет по дому к трубе
водосточной,
как рука в маникюре к ширинке,
только грубей
и восточней.

Мне говорили, как стать сумасшедшим,
чтоб не маячить в прицеле душмана.
И вот я вернулся оттуда
и совсем позабыл о прошедшем
времени, где корешался с дурманом.

Видишь, мамуля,
как мясо мое муравьи облепили,
сделана пуля
в Чикаго, а может, в Шанхае.
Она разлетелась в груди наподобие пыли.
И вот я по небу шагаю,

ибо меня призывают, как наш подполковник, Аллах
Саваоф, Озирис и Ярила, и Яхве.
Я им устроил подобие конкурса
по шестибалльной системе,
чтобы мой прах
сторговать за цистерции, франки и драхмы.
Хитрость же фокуса
в том, что я жив, но не в вашей системе

солнечной (это имею в виду я).
Ты же меня наблюдаешь своим изумительным глазом,
словно я в этой. Позволь, но понятья введу я
новые не постепенно, а сразу.

Так материнское горе —
это знакомо, весомо и нужно,
когда сыновья получают оружие,
но вскоре
становится ясно предельно —
это досадная блажь
для губернаторов, что проживают отдельно
от неудобства, от пьянства и краж,
от призыва детей,
от смертей,

и, говоря языком площадей,
от народа.
Это свобода,
что недоступна сознанью людей,
как недоступны философы прошлого века
в библиотеках,
что охраняются дамами с низкой зарплатой.
Нет виноватых.

Мненье скорее мое, чем Тацита,—
не колбаса, или сахар и пиво,
или салфетки для нежного зада —
суть дефицита.
Честь и достоинство, то, что красиво
для маленькой мышцы в груди
или взгляда
на мир, как на поле добра и привета.
Серость привита
с казни Сократа,
С казни крестьянства в тридцатых.
Нет виноватых...

Рана моя — это искусство
высокого тона,
что убито, зарыто, забыто
(без стона
над нами сидящих прокрустов).
ричину всегда отделяют пространства, века или годы
Для примера,
скажем, и Пушкина нет без Овидия или Гомера.
Нет современного лауреата
без непросвещенных князей,
без Малюты, малюток и прочих друзей,
без плановой нищей зарплаты.
Нет виноватых...

Мама, в твоей голове копошатся химеры
(а по траве снова идут и поют пионеры).
Жизнь продолжается, мама,
и старики
умирают с тоски,
и молодые стареют упрямо,
юноши пьяные лапают дев,
что не умеют продаться за сотню ворам.
Халат сумасшедший на тело надев,
гуляет твой дух по гератским дворам.

Ищешь ты сына...
Видишь — мой череп валяется у магазина.
Нищий душман собирает в него подаянье.
Сам без ноги, без руки и без глаза...
Череп, как ваза,
полон купюрами сотенного содержанья
с профилем Ленина, нам дорогим.
Наши враги
продают на чужбине мое покаянье.

ЖЕСТОКАЯ МОЛОДЕЖЬ

Окрепнув на молоке матерей,
труды отцовские переварив,
спешат позабыть о них поскорей
юные дикари.
Какая помощь?! Простого письма
месяцы, годы ждешь...
Выбьет слезы, сведет с ума
жестокая молодежь.

Как несерьезно устроен мир —
жизнь не ценя ни в грош,
весь свет превращает в кровавый тир
жестокая молодежь.
Все устарело — и честь, и стыд,
в моде платеж и нож.
Сердца пусты и мозги пусты...
Жестокая молодежь.

Трудно добреньким простачкам
поверить, что это не ложь,
но служит сытым и злым старикам
жестокая молодежь.
Сдав под процент золотой мешок,
платя дуракам медяки,
командуют этим стадом, дружок,
безумные старики.

* * *

Однажды осветится изнутри
век сумеречной жизни на планете —
свободно сомневайся и твори,
и правдой не плати за право это.
Но светлые проходят времена,
и мрак творит над разумом вендетту —
невидимая трудная война,
где по тылам не спрятаться поэту.
Коснись одежды, но не трогай плоть,
переноси на плоскость многомерность,
и скорлупу не пробуй расколоть,
храни поверхности зеркальной верность.
И если жизнь стоит на тормозах,
безвременье рождает антиподов —
одни мудрят и гибнут на глазах,
расплющив лбы о каменные своды,
другие, осадив своих коней,
недви́жимостью сделав недвижи́мость,
живут всегда хозяевами в ней,
уверовав в свою непогрешимость.
Но третьи есть! — у них высок удел,
и над возней и мелким мельтешеньем
они встают, презрев любой предел,
не требуя наград и утешений.
И если есть в поэзии цена,
она имеет вес такой свободы,
которая сравнится лишь одна
с неторопливой мудростью Природы.

ПОИСКИ СЧАСТЬЯ

Постигаю я терпение, мой друг,
чистоте пытаюсь слово научить,
все, что кажется нам темным поутру,
высветляют предзакатные лучи.
Если мысли не уместятся в тетрадь,
этих птиц в неволе памяти держи...
Это страшно — опыт сердца рифмовать —
видишь, я еще не умер, но не жив.

Ну, а если нет ни счастья, ни судьбы,
ну, а если непонятно все кругом,
ты начни опять с мечты и ворожбы,
не грози пустому небу кулаком
и уверуй — вера каждому дана,
будет радость, если множить грусть на грусть...
Пусть же люди, снисходящие до нас,
полагают, что нас знают наизусть.

Есть на каждую беду страшней беда —
к утешениям себя ты не неволь,
мы и счастливы бываем, если боль
покидает нас на время иногда.
Все не наше — ни начала, ни концы,
наша жизнь, она и есть та соль земли,
а счастливыми бывают мудрецы,
что свой путь через несчастия прошли.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ АКВАРЕЛИ

Контуры чисты, блики не густы,
крыши и мосты, арки...
Сонны берега, призрачна река,
замерли пока парки.
Тихо проплыло тяжкое крыло,
светлое чело или
в выси ветровой мальчик над Невой,
ангел вестовой на шпиле.

Мимо Спаса, мимо Думы я бреду путем знакомым,
мимо всадников угрюмых к бастиону Трубецкому.
Вдохновенья старых зодчих, Петербурга привиденья
дразнят память белой ночью и влекут в свои владенья.

Грани берегов, ритмы облаков
в легкости штрихов застыли,
и воды слюда раздвоит всегда
лодки и суда на штиле.
Все без перемен — кадмий старых стен,
и колодцев плен лиловый,
эхо и лучи множатся в ночи,
как орган звучит слово.

Розоватый дождь в апреле, разноцветные соборы,
зимы в синей акварели, в охре осени узоры.
Кто-то кистью, кто-то мыслью измерял фарватер Леты,
кто-то честью, кто-то жизнью расплатился за сюжеты.

* * *

А ветры закружили, завертели
листву и закачали сосняком,
но ласточки еще не улетели,
и даже люди ходят босиком.
Шальная развеселая картина—
мне осень платит листьями за грусть,
но все они застряли в паутине,
и я до них никак не дотянусь.
А может быть, в стране далекой где-то,
куда не залетали корабли,
в ходу такие желтые монеты—
раскаянья и совести рубли.
Осталось две получки до метели
и ни одной любви до рождества,
но ласточки еще не улетели,
и на березах желтая листва.

ДВЕ ПТИЦЫ

Мы встретились в таком просторе,
в таком безмолвии небес,
что было чудом из чудес
пересеченье траекторий.

Быть может, мы в совместный путь
могли с тобой пуститься вскоре —
в чем состояла цель и суть
всей нашей жизни, но на горе

мы с удивлением открыли,
что птица птице не под стать,
стремительные наши крылья
в полете будут нам мешать.

Так мощен наших крыл разлет,
что сблизиться нам не дает.

ТРИ СЫНА

Три сына мои, три сердца, три боли...
В них все — не отнять, не прибавить.
Я царь их и раб. Нет прекрасней неволи...
Петр, Александр и Павел.
И каждый из них — мой давнишний портрет.
Но вспомните старые фото —
меняются ракурс, одежда и свет,
и в нас изменяется что-то.

Они нарушают мой тихий настрой,
не любят порядка и правил,
им кажется жизнь бесконечной игрой...
Петр, Александр и Павел.
Пытаюсь зажечь в них хотя бы свечу,
не худшая все-таки участь...
Мне кажется — я их чему-то учу,
а это они меня учат.

В них память веков и любви моей суть,
и свет уж другого столетья.
И каждый найдет свой особенный путь...
Ох, весело буду стареть я!
Три сына мои — три чистейших души...
Я жизнь от забот не избавил,
так просто проблему бессмертья решив —
Петр, Александр и Павел.

ДВА МАЛЬЧИКА

Два мальчика на длинном берегу,
два юных существа святых и голых...
Восторг и дрожь на них наводят волны
и ветер их сбивает на бегу.

Огромен мир, и небо необъятно,
и солнце друг, и море страшный друг.
Оно влечет, как тайна, и испуг
несут валы и пенистые пятна.

День бесконечен, время не течет...
Что значит завтра? Что такое вечер?—
не знает пятилетний человечек
и благу жить не воздает почет.

Он — воздух, и вода, и сам он благо...
Глаза — как море, кожа — как песок.
Пугливый и беспечный полубог,
не соизмеривший пути и шага.

Два мальчика и больше ни души.
А я — не в счет, я нынче не природа.
Я знаю химию земли и небосвода
и их судьбой (увы!) могу вершить.

Слияние простора, ветра, вод
с их легким существом растает скоро.
Они уедут в северный свой город
и не заметят этот переход,
два мальчика на длинном берегу...

МЛАДШИЙ СЫН

Мой маленький, толстенький, хитрый сынок,
несчастье мое и услада,
по сути — шпана, а на вид ангелок,
двойной крокодил шоколада,
с моторчиком в сердце, в ногах и в руках,
и бога, и черта творенье —
гостей оставляешь всегда в дураках,
съедая и торт и варенье,
великий политик, великий хитрец,
конфет и плодов скороварка,
знаток умиленных и добрых сердец,
святой вымогатель подарков,

воинственный рыцарь и рыцарь скупой
со складом под старой подушкой,
чинящий у братьев грабеж и разбой,
лихой доноситель на ушко,
крикун, матершинник, пройдоха и вор,
обжора и эксплуататор,
влезающий нагло в любой разговор,
приказчик, министр, император.

О боже! Ну как же тебя я терплю?!
И все удивляются тоже.
И что удивительней — даже люблю,
но ты мне бываешь дороже,
когда ты жалеешь уставшую мать
и просишь проверить на деле,
что можешь нас слушаться и понимать.
Четыре минуты в неделю

ВОПРОСЫ НА КЛАДБИЩЕ

По бревнам моста, как по клавишам,
несли с пирожками пакет
два сына со мною на кладбище
(четыре и девять лет).
Нетрудно погостище в Колпино
найти — с электрички налево.
А там уже смерти накоплено
с японской войны и холеры.

Шагали беспечные мальчики,
мои дорогие шагали,
играли растерзанным мячиком
и спрашивали о Шагале.
— А как это дяденька с тетенькой
без крыльев летали над Витебском?
— Там кнопка, а выглядит родинкой(?)
нажмешь и летишь над правительством.

Какие вопросы прекрасные,
какие ответы чудесные!
Вопросы становятся баснями,
ответы становятся песнями.

— А что тут за цифры на камешке?
— А время от вдоха до выдоха.
— Мы знаем в метро есть для памяти
отметки у входа и выхода.

— А крест для чего над могилою?
— А это Христа поминание.
На нем он страдал, мои милые.
— А что это значит — страдание?
— А это основа познания,
как жалость, любовь и терпение.
— За что же ему наказание?
— За пение, братцы, за пение.

АЗИЙСКИЕ МОТИВЫ

Один ли вконец поглупевший старик
решил азиатскую склоку,
а может быть, цепью ходов и интриг
мы втянуты в эту мороку?
И вот в мусульманскую гниль и жару
мальчишки из русских провинций
уходят и гибнут там не на миру
за царскую чью-то провинность.

А те, кто вернулся в родные места,
живут как незваные гости...
Кругом воровство, ни на ком нет креста,
и больно от срама и злости.
А честный народ, ненавидя войну
и труся, в домашнем халате
слегка философствуя, ищет вину
в подбитом, нецелом солдате.

Болит к непогоде в плече и в боку
и культя протезом намята,
но мать будет плакать не раз на веку
от счастья, что видит солдата.
А тот, кто пропал (ох, дай бог не в плену!), —
для матери вечное горе.
Отца ее тоже убило в войну...
История дышит в повторе.

Троих сыновей я для жизни ращу,
и думаю часто за полночь—
вдруг чаша не минет — я их отпущу
куда-то кому-то на помощь...
А слава Отечества (где же она?)
не стоит единственной тризны.
И только свобода, свобода одна
достойна и смерти и жизни.

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ, ОТВЕТЫ...

Сидящие тихо в своих конурах
потомки крестьян и придворных,
начальство, богатства пустившее в прах,
компании пьяниц в уборных,
негромкие дети шумливой страны—
чиновники разных сословий,
служители страха — сиречь сатаны,
соавторы всех суесловий,
и многие, многие из хитрецов,
принявшие массу обличий,
сыны, предающие память отцов,
владельцы фальшивых отличий,—

я к вам обращаю мой горький напев,
совсем не надеясь на отзвук.
Так волк завывает, опасность презрев,
приняв исступленную позу.
Взгляните на мир из святой нищеты
тупого прогорклого духа!
За обликом юной, высокой мечты
сокрыта больная старуха.
Над ней насмеялись, прогнав за кордон
Руси интеллект недобитый,
как стадо скотов запирая в загон
потомков славян и семитов.

Прекрасная правда за тьмою гробов
свободу рабам обещала;
и всех победивших в своих же рабов
невидимо вспять обращала.
И если б ошибка, нелепый изъян,

издержки святой обороны...
Но библия счастья, свободы коран
свели в перегной миллионы.
И тщетно поэты и Маркс, и Исус
гармонию в хаосе ищут.
Идеи всегда изменяют свой вкус,
когда воплощаются в пищу.

Один задает благородный вопрос —
другие ответствуют плетью.
Тому ли учил гениальный Христос,
что церковь творила столетья?
И век обращается к вохрам идей
упрямо, безумно, как шизик, —
так стоит ли сытость ленивых людей
одной человеческой жизни?!
Решение горьких извечных проблем
нисходит однажды к поэту.
Но жизнь не выносит решений и схем,
что дарит поэзия свету.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ УТОПИСТАХ

При Сталине, при Молотове — так
Мы говорим, воюя с этим веком;
и вот истории невежественный знак
становится и символом и вехой.
При Джугашвили или при Петре,
при Брежневе, Хрущеве, Иоанне...
И кажется — столетья на дворе,
когда Россия в рабстве и в тумане.

И при любом судьбу благодари,
когда остался цел и не унижен.
Как будто все цари, цари, цари,
а мы — рабы в глуши бетонных хижин.
О, как бы мне хотелось произнесть
не с хитростью, не с ложью, не в цинизме —
Ты помнишь этот свет, благую весть?..
И не при ком-то — при социализме.

Ах, утописты, Ваш великий дух
витает над распятьями мальчишек

седых и юных, что терзали слух
периодами ваших славных книжек.
И до сих пор мы счастливы иметь
мгновение, чтоб правду тихо крикнуть.
Пока нас не заглушат ложь и медь —
доутопические, вечные реликты.

БАЛЕТ

Батманы, па и пируэты, пуанты, мощные прыжки
и куртуазные шажки — как сон — волшебные балеты.
Они наивны и добры, они полны очарованья...
Здесь сладки и легки страданья, нездешни краски и миры.

Но нет здесь плоти без увечий, а сколько судеб пополам!
и пот летит по зеркалам от пируэтов бесконечных.
Носками врозь отроковицы спешат сквозь города бетон,
их аскетические лица, как лица маленьких мадонн.

Их ждут надежды и обманы и с плотью вечная борьба,
и в стае плыть на заднем плане их лебединая судьба.
Но время страсти не разрушит, искусству тяжкому поклон...
Вам — грациозные старушки, кордебалет былых времен.

* * *

Нет в мире высшего блаженства,
чем осознание пути,
когда, достигнув совершенства,
ты все же вынужден уйти,
когда и сердцем и мышленьем
приемлешь равно мрак и свет,
когда легчают сожаленья
о пустоте минувших лет.

И нет лекарства в мире лучше,
от страха стать золой в золе,
чем уяснить, что ты лишь случай,
прекрасный случай на земле,
когда проводишь самых близких
в недосягаемую даль,
когда уже не знаешь риска,
а лишь терпенье и печаль,

когда войдешь два раза в реку,
на дне останешься сухим,
когда прощаешь человеку
его успехи и грехи,
когда по взгляду и по вздоху
поймешь, что сделалось с душой,
когда тебе с другими плохо,
а им с тобою хорошо.

* * *

Нет, ценить не можем мы
того, что нам судьба послала.
Вот так Орфею было мало
вести любимую из тьмы.

Из нелюбви, как из тюрьмы,
мы убегаем с кем попало,
не повернув свой взгляд к началу,
забвеньем облегчив умы.

Но если осенью ненастной
или в другой какой-то срок
нам выпадет внезапно счастье,
мы вдруг умнеем от тревог

и, оглянувшись очень мудро,
опять одни встречаем утро.

* * *

У зеркала ты битый час
сидишь и портишь очень мило
все, чем природа одарила
тебя, что ценно без прикрас.

И примеряешь по сто раз
ты металлические вещи,
в зеркальной заводи трепещут
две золотые рыбки глаз.

О, женщины из всех веков!
Как вы стремитесь терпеливо
пленить безвкусных петухов,
любителей тонов крикливых.

Вот так же на фасаде храма
висит торговая реклама.

* * *

Я все отдал бы, чтобы верить
в твою измену, милый друг.
Я не боюсь тогда разлук,
когда осознана потеря,

и сомневаюсь в той же мере,
в какой горю от страшных мук,
но разорвать порочный круг
боюсь, себя в беде уверя.

И не решаюсь предложить
вопрос жестокий и постыдный.
О, как бы ясно было видно,
что делать — как на свете жить.

И мы молчим, молчим лукаво,
пока молчать имеем право.

ДОМА

Размечтались мы о правде, разохотились до чести,
переполнены газеты исцеляющей бедой.
И сидит историк тихий на своем доходном месте,
со страниц чужие слезы выметая бородой.
И стоят дома большие, где в огромных картотеках
прибавляется фамилий, прибавляется имен.
Что сказал, что спел когда-то, все до буквы, как в аптеке,
в эти клетки самый грустный, самый честный занесен.

И стоят дома поменьше, где приказчики культуры
и чиновники от прозы и поэзии корпят

и вершат судьбою духа сторожа номенклатуры,
в инженеры душ наметив поухватистей ребят.
Шахиншахские приходы за вранье в стихах и в прозе
охраняют от огласки через главное бюро...
Не коснется свежий ветер подмосковных мафиози.
С переделкинских маршрутов безнадежен поворот.

И дома другого сорта понаставлены по свету,
где во чреве бюрократов спят параграфы речей,
где у них за преступленья отбирают партбилеты —
индульгенции на подлость и повадки палачей.
И дома пажей болтливых, бессердечных, твердолобых,
где из мальчика с румянцем лепят хитрого жреца,
где готовится замена умирающим набобам,
чтоб властительная серость не увидела конца.

И стоят дома попроще, где врачи и инженеры,
ветераны справедливой и несправедливой битв,
наши матери и жены, и святые нашей веры —
все опальные поэты, сочинители молитв,
там, где рокеры, и барды, и рабочие, и дети,
и мадонны, и старухи, проходившие ГУЛАГ,
там, где теплится культура всех пределов и столетий,—
гарнизоны осажденных поднимают белый флаг.

Где эта улица, где этот дом,
с юности светлой знакомый?
Где эта барышня, что я влюблен?
О боже! работник райкома.

* * *

Когда это было — не помню, и где это было — как знать?
Я солнцем однажды наполнил клееную эту тетрадь.
Оно разлилось по страницам, как воды весенней реки,
запели веселые птицы на ветках двадцатой строки.

Созрели хлеба, а поляны полны были белых грибов,
и ветер беспечный и пьяный запутался в ветках дубов.
И капли на строчки бросая, качалась намокшая рожь.
И вдруг я увидел — ко мне ты босая по мокрому полю идешь.

ТАМ, ГДЕ СЕРДЦЕ

Загляделся я в глубь голубейшего полога,
и навеки упали в глаза небеса,
мне однажды луна зацепилась за голову
и оставила свет свой в моих волосах.
Я ходил по дорогам России изъезженным
и твердил я великих поэтов стихи,
и шептали в ответ мне поля что-то нежное,
ветер в храмах лесов отпускал мне грехи.
Я в рублевские лики смотрелся, как в зеркало,
печенегов лукавых кроил до седла,
в Новегороде меду отведывал терпкого,
в кандалах на Урале лил колокола.

От открытий ума стал я идолом каменным,
от открытий души стал я мягче травы,
и созвучья мои подходили устам иным,
и отвергшие их были правы, увы...
Я смотрел только ввысь и вперед, а не под ноги,
был листвою травы и землею земли.
Все заботы ее, и ошибки, и подвиги
через сердце мое, как болезни, прошли.
Если кланяюсь я, то без тихой покорности,
и любовь и презренье дарю не спеша,
и о Родине вечной, прекрасной и горестной
буду петь я всегда, даже и не дыша.

Там, где сердце всегда носил я,
где песни слагались в пути,
болит у меня Россия,
и лекаря мне не найти.

ГОСУДАРСТВО СИНИХ ГЛАЗ

Летний вечер от пригорка малахитом стелет тень,
земляникой сладко-горькой на губах растаял день.
Я живу — в росе колени, удивляясь каждый час
чудесам и откровеньям в государстве Синих Глаз.
В этом царстве-государстве, где погодится без бурь,
мне прощается гусарство и мальчишеская дурь.
Пусть я подданный, но все же я весьма беспечный класс,
притворяюсь я вельможей в государстве Синих Глаз.

Только что тут притворяться, я как на ладони весь.
Пропадай мое дворянство, спесь меняется на лесть.
Подольститься просто очень, это делал я не раз...
Сверхдоверчивые очи в государстве Синих Глаз.
А устроен я так странно, все скучаю по ветрам,
неизведанные страны снятся, снятся по утрам.
А когда за сотни далей я шагаю, как сейчас,
мои мысли улетают в государство Синих Глаз.

И СЫН МОЙ СКАЖЕТ...

Никто не нужен никому... И в одиночестве фатальном
живет душа, сокрыта тайной и недоступная уму.
И с чувством, может быть, шестым глядим в глаза родным
и милым
и не предвидим, что могилы ни разу их не посетим.
И на твою обитель сна не явится твой сын невечный,
в бегах за золотом овечьим забыл он крови имена.
Так ускоряется конец и благородства и природы,
что разорвутся небосводы, чтоб посмотрел на нас творец.
И храмы утренних молитв, как и вместилища вечерних,
взойдут былым предназначеньем на пустырях убогих битв.
И сын мой скажет: где же мы так долго искренне блуждали?!
И пустовали эти дали, когда искали мы тюрьмы.
И он прочтет мою строку, и в смысл ее проникнет духом,
и станет мной — рукой и слухом, и повернет лицо к врагу.
Но не найдет его лица... И обесцветится тревога,
и будет новая дорога, как в песнях старого отца.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Есть порой у нас забота — отводить навет и ложь,
если стоишь ты чего-то, без врагов не проживешь.
Различать врагов несложно, так на свете повелось —
чем враги твои ничтожней, тем безудержней их злость.
Ну что за жизнь, когда кругом одни друзья, и их не счесть...
Никто не стал твоим врагом, не заслужил ты эту честь.

Оболгут твои дороги, кто изустно, кто строкой,
будут все твои тревоги им на радость и покой.
Нет, друзья мои, не нужно обижаться (век учись) —
ваша лесть обезоружит, злоба их толкает ввысь.

Не вестник боли и беды, а дум высоких верный знак,
и за последние труды награда мне — мой новый враг.

Я врагов крупнее жажду по зубам и по уму,
мне из них понятен каждый, я неясен никому.
Я за ними наблюдаю, изучаю каждый шаг.
Вы, друзья, мне много дали, вдвое больше — каждый враг.
С друзьями сдержан я подчас и снисходителен к врагам,
я с другом ссорился не раз, но за него и жизнь отдам.

Если враг меня похвалит и растопит старый лед,
значит, с другом прозевали мы ошибку, недолет.
Враг меня работать учит и спасает от тоски.
Нет друзей верней и лучше, чем заклятые враги.
Среди сует и передряг нас жизнь порою вознесет...
И верный друг и верный враг, как два крыла среди высот.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Александрович ДОЛЬСКИЙ

ПОКА ЖИВЕШЬ...

Стихи

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 16.11.88. Подписано к печати 17.01.89. А 00212. Формат 70×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,60. Тираж 150000 Зак. № 3377. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

15 коп.

Индекс 70668

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● **Учреждения Сберегательного банка СССР** принимают на хранение сертификаты и облигации государственных займов до востребования их владельцами или до истечения их срока.

● **По желанию владельцев облигаций** учреждения Сберегательного банка осуществляют проверку облигаций по таблицам тиражей выигрышей и информируют их о выпавших выигрышах.

● **Сертификаты Сберегательного банка СССР** или облигации, принятые на хранение, выдаются полностью или частями владельцу или лицу, имеющему доверенность владельца указанных ценных бумаг.

● **Сертификаты или облигации, сданные на хранение,** могут быть завещаны одному или нескольким лицам, независимо от того, являются ли они наследниками их владельцев.

● **Сохранность сертификатов и облигаций** государственных займов, принятых учреждениями Сберегательного банка на хранение, гарантируется государством.

Сберегательный банк СССР к Вашим услугам!

ISSN 0132-2095 Б-ка «Огонек». 1989. № 5. 1—32.